

НАШ МИР

СТУДЕНЧЕСКАЯ ГАЗЕТА,
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МЕНДЕЛЕЕВЕЦ»
МХТИ имени Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

№ 1

апрель

1991 г.

Цена 60 коп.

Сегодня в номере:

Меченный атом Льва Аннинского

Тайна одной пропажи

Еще раз о гуманитарной помощи

Г. А. Ягодин — молодежная политика

Студенческий юмор

АНОНС: ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

заметки бывшего
абитуриента
читайте
в следующем номере

ИНФОРМАЦИЯ

НАШ народ, на который так любят ссылаться власть придержащие, ошибается очень редко. Не ошибся он, придумав пословицу, что не так страшен черт, как его малюют. Первые студенческие организации в Румынии начали образовываться очень быстро — когда еще гремели выстрелы декабрьской революции. Тамешний Союз Коммунистической молодежи и его младшая сестричка — Ассоциация студентов-коммунистов — как-то сами собой распались еще быстрее, и сейчас о них уже почти никто не вспоминает. Хватает прочих, но из студенческих объединений наиболее сильны две: Конфедерация Лиг румынских студентов и Национальный союз независимых студентов.

Национальный союз (почти сорок организаций — членов общей численностью под 30 тысяч человек) к политике ни малейшего касательства не имеет. Профсоюз профсоюзом: социальное обеспечение, быт, трудоустройство, корпоративные интересы. Конфедерация (23 организации из университетских центров страны и голоса половины студенчества в активе) от этих вопросов тоже не отмахивается, но и правительство покрывать может (конструктивно, без палубы), и идеологическую платформу свою имеет. Идеология вполне симпатичная: свобода человека (свобода мысли, обмена информацией и передвижения), поддержка демократического движения, выдвижение на ключевые должности по уровню компетентности, а не по партийному стажу.

Лига студентов Бухарестского университета не стала белой вороной и вошла в Конфедерацию. Жесткой системы подчинения и почти военной дисциплины здесь тоже нет — это все осталось в декабрьской Румынии. Председателю университетской Лиги Марьяну Мунтяну 28 лет. Успел закончить лицей, отслужить в армии, порхать столичное метро (хотя и родился в интеллигентной семье). В 87-ом поступил в университет, через год вступил в местную компартию, еще через год вместе с товарищами вышел на мятежные улицы.

В декабрьских событиях 1989 года студенчество сыграло достаточно важную роль. Я считаю, что процесс объединения в нашей среде прошел гораздо быстрее и организованнее, чем в других слоях румынского общества. Студенчество в силу своих профессиональных структур (факультетских, учебно-групповых) представляет собой достаточно однородное течение, ясно выходящее конечную цель своей деятельности. Студенты благодаря уровню знаний и широкому кругозору смогли глубоко и адекватно проанализировать ситуацию, складывающуюся в стране после диктатуры.

О результатах этого анализа свидетельствует отношение студенчества к появившемуся букету политических партий: Фронт национального спасения, на основе которого сформировано нынешнее правительство, национал-либеральная, национал-цэрэнистская, социал-демократическая. Среди их членов есть студенты, но в основном институтская молодежь не одобряет политику этих партий,

которая по ее мнению, ограничивает свободы личности и демократию. Румынское студенчество, а это сто тысяч человек, предпочитает свои организации, занимающиеся собственными проблемами, а не политикой.

Марьян Мунтяну — оппозиционер и этого не скрывает. Выступал с балкона своей альма-матер, просидел полтора месяца в тюрьме по подозрению в «причастности к беспорядкам». Обвинение не подтвердилось. Но он не носит на плече автомат, не подкладывает под поезд мины и стремится проливать чью-то кровь. Выяснить, кто стрелял в свой народ, — да. Но искать правду — не линчевать. Ведь принцип ненасилия, родившийся в дни революции, даже заложен в идеологическую платформу Конфедерации.

Мы не выступаем против правительства, хочу подчеркнуть это. Нас не устраивают методы, заимствованные из старой тоталитарной системы нынешним руководством для осуществления своей политики. Поэтому наша критика правительства — критика методов старой диктатуры, которые в некоторой степени продолжают существовать в нашей стране, что, естественно, препятствует созданию истинно демократического общества.

Так в чем же, собственно, заключается румынский вариант? В том, что студенты первыми выступили против тиранов, а, когда обстановка в стране более-менее нормализовалась, занялись своими студенческими проблемами? Или в том, что агонизирующий режим направил пушки против собственного народа? Кто должен бояться его повторить?

Помимо «румынского варианта» был еще «чешский». Куда менее кровавый: избивание одного студента полицией стоило кресел Густаву Гусаку с командой.

Но самый интересный, на мой взгляд, вариант — болгарский. Там Президент, глядя на волнуемое людское море, лишь меланхолически пожелал вслух: «Эх, сюда бы танков...» Не заметна рядышком микрофончика. Прослушав запись, студенты ответили дружной забастовкой. Президенту (не провалявшемуся, кстати, и тогда) ничего не оставалось, как ответить уходом.

Вспомнив последний четверг марта, понимаешь, что болгарский вариант у нас точно не возможен.

По материалам ИАН.

Молодежная политика безумно проста, — заявил на Годичном собрании работников высшей школы председатель Гособразования СССР Геннадий Алексеевич Ягодин. — Нужно только дать молодым возможность работать!

Само собрание тоже прошло по-простому, без излишней скрупулезности, традиционной для профессорско-ректорского собрания. Академики задавали друг другу вопросы из зала, докладчик из Академии общественных наук при ЦК КПСС цитировал Троцкого и Кауцкого, а зампред Гособразования — Достоевского (см. заголовок). Помимо обращения к классике во вступительном докладе прозвучало, что на высшую школу накатил волна ударов: от пиратского «захвата умов» разными кооперативами до президентского налога с продаж. Но несмотря на ужасающий развал экономики и потерю интереса людей к перестройке, ученые все же продолжают работать: «ученые всегда живут надеждой». Которая, как известно, умирает последней.

ПОДАРКИ СЕРГЕЯ МИНАЕВА

— Очень не люблю прессу, — заявил он почти с самого начала. Такое высказывание меня несколько покорило. Пришел брать интервью у студента серьезного московского вуза, автора трех серьезных проектов на Всероссийский конкурс социальных новаций, — и на тебе! «Не люблю».

Сергей Минаев скептически отозвался не только о представителях средств массовой информации. Без особого энтузиазма относится он к студенческому, освободительному движению (в масштабах столицы). Вернее, не относится никак: «То, что я вижу, это не серьезно и не интересно. Ребята решили пошалить — и шалят». Делом человек занимается, а не политикой.

Вот, например, проект — ни много, ни мало — Российский энциклопедии. На восьми листах. И читается, кстати, в отличие от большинства наших официальных справочников, довольно легко.

Существующие в нашей стране энциклопедии в годы их создания были далеки от совершенства. А сегодня они полностью морально износились. И это, когда наше озлобленное и разобщенное общество всячески пренебрегает универсальными знаниями ради узкопрофессиональных, способных принести выгоду в очень скором будущем. С другой стороны то же общество беспрецедентно доступно для различного рода проходивцев, использующих невежество, апатию, отчаяние и надежду людей на чудо.

«Проходивцев» — не слишком ли сильно сказано? Это слово и в проекте употребляется...

— Не слишком. Слово понятное, и это главное. Хорошая ракета та, которая попадает в цель, а не та, которая выкрашена в соответствии с ГОСТом.

— А сроки?

— Минимум — семь лет. Максимум — одиннадцать.

— Мечтать не вредно... Но если все-таки ты стал бы министром образования...

— Если говоришь о высшем образовании, то ему придется туго. Скорее всего, сильно уменьшится как количество студентов, так и число вузов. Ведь сегодня мы выпускаем армию некачественных специалистов, которым завтра к тому же будет негде работать.

ПОГОВОРИМ КРАСИВО

В Московском государственном институте международных отношений появился новый спецкурс: «Культура политического общения. Ораторское мастерство. Искусство полемики».

Если раньше для достижения успеха на международной арене достаточно было ввести куда-нибудь по соседству танковый корпус или, на худой конец, постучать туфлей по столу, то несколько лет перестройки заставили вернуться к опыту Демосфена. Правда, уже не с камешками во рту, а с аудио- и видеоаппаратурой, при помощи которой мидовские студенты будут учиться вести спор, готовить экспромты, держать дыхание и делать эффектные паузы. Нельзя не отметить, что спецкурс появился весьма кстати: из-за серии «фолов» во внешней политике (уход Шеварднадзе, конфуз во время «войны в заливе», спад восторженной любви Запада) серьезную ставку, видимо, придется делать на искусство гибкого владения языком.

Михаил ГУРЕВИЧ.

— Хотя, если начать проводить политику сокращения, то в ответ нам сразу же захотят урезать выделяемые на образование средства. Уж что-то, а это у нас умеют». Так что любой казался бы найденный выход повлечет за собой порою новых проблем. А потому придется искать не безопасное решение (его просто невозможно найти), а решения, меньше бьющие по людям. По всем людям, а не только по студентам и преподавателям.

— Хотя ты и считаешь себя экспериментатором, а не теоретиком, у тебя, наверняка, есть еще какие-нибудь пока не материализовавшиеся идеи.

— Мне не стоит об этом чересчур много распространяться, но... Например, деурбанизация планеты. Многие ищут устойчивую модель развития цивилизации. А то, что напоминает ценную реакцию — верный признак неустойчивости, — что нам гарантировано множество проблем в самом ближайшем будущем. У этических стандартов просто не хватит быстроты действия, чтобы самортизировать происходящее в современных мегаполисах. Получается нечто вроде критической социальной массы: огромные толпы незнакомых людей, а с какой меркой к ним подходить?

— Либо нужен «сверхновый завет», но его вряд ли заметят на перенасыщенном информационном фоне. Либо — расселение людей по небольшим (до нескольких тысяч жителей) городкам. Технология и связь такое уже позволяют, а экология — та ждет не дожидается. В этих городках все будут знать друг друга, знать, кто чего стоит, то есть структура поселения будет как бы «прозрачна», что радикально повлияет на преступность, образование... Есть, правда, несколько хитрых моментов, но все равно это интересно и стоит подумать.

— Однако, если общество будет деурбанизироваться, то я лично себе не завидую. Ладно, это еще не скоро. Если мы пока в диктатуре играем, то что уж об этом...

— Вернемся в наш день, пока еще жутко урбанизированный. Кроме этого конкурса ты свои проекты куда-нибудь отдавал? В Гособразование, например?

— А зачем? Я работаю на заказ. Идеи варятся внутри меня, потом переносятся на бумагу, я их отдаю, а дальше пускай живут отдельно от меня.

— Ты считаешь, что человек не обязан отвечать за поданную им идею?

— Если человек продает идею — это одно, а если дарит — совсем другое. Человек имеет право делать подарки.

Подарков Сергей может сделать много. Его хватит. Дело за тем, чтобы их принять. Кстати, контактный телефон конкурса социальных (а равно и культурных, и педагогических, и всех прочих гуманитарных) новаций — 921-88-86. Звоните, пишите, может и у вас что найдется.

Михаил ГУРЕВИЧ.

А ДАЛЬШЕ ТИШИНА...

Московский университет все-таки получил деньги. Как рассказал проректор по финансовой работе С. Ф. Дунаев, бюджет составит 200 миллионов рублей.

Несмотря на то, что по сравнению с прошлым годом отчисления из госбюджета слегка возросли, университет сидит на голодном пайке. По мнению Сергея Федоровича прожиточный минимум МГУ — 300 млн/год, а для нормального существования нужно 600 миллионов. Выделенных денег хватает только на зарплату, на все дорожающие коммунальные и хозяйственные затраты и кое-какие программы.

— На поддержание более или менее приличного состояния главного здания выделено 6 миллионов. Этих денег едва хватило бы года два назад. Сегодня на эти же цели нужно порядка 20 миллионов рублей.

К сожалению, сегодня происходит очень опасная тенденция — сокращение ассигнований на фундаментальную науку. Сокращение это еще аукнется, а пока в Университете пытаются хоть как-то свести концы с концами.

— С повышением цен студенческий обед вздорожал почти в три раза. С большим трудом мы набрали 400 тысяч на частичную компенсацию. Но это только на один месяц.

А дальше тишина...

Дмитрий ПИНСКЕР.

ВАША РЕКЛАМА
В НАШЕЙ ГАЗЕТЕ —

ЭТО ПУТЬ

К ВАШЕМУ

УСПЕХУ

ТАЙНА ОДНОЙ ПРОПАЖИ

ПРОЛОГ

Его арестовали 20 ноября 1975 года. Глубокой ночью доставили в следственный изолятор Управления Комитета государственной безопасности по Ленинградской области на Литейном проспекте. 1 октября 1976 года состоялся суд. Суд был закрыт. В зал заседания не пустили даже мать. Когда Дора Аркадьевна Казачкова обратилась к судье с просьбой показать ей приговор, вынесенный сыну, то получила отказ. Этот приговор, пояснили ей, секретный, ознакомьтесь с ним не представляется возможным.

Из приговора: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Судебная Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда в составе: председательствующего зам. председателя суда Исааковой Н. С., народных заседателей Иванова Н. В. и Ксенофонтова А. А., при секретаре Герановой Н. П., с участием старшего помощника прокурора г. Ленинграда, старшего советника Катуковой И. В. и адвоката Бреймана И. М. 1 октября 1976 года в городе Ленинграде рассмотрела в закрытом судебном заседании дело по обвинению Казачкова Михаила Петровича. Установила, что подсудимый Казачков в 1975 году на основании антисоветских убеждений, умышленно действуя в ущерб внешней безопасности и военной мощи Союза ССР, совершил измену Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против Советского Союза...»

Иск из ГУЛАГа

В конце 1989 года из Пермского лагеря № 35, где долгое время содержались советские политзаключенные, в адрес Московского городского суда было отправлено письмо несколько необычного содержания:

«При ознакомлении с уголовным делом осенью 1976 года я обнаружил там документ, свидетельствующий о том, что представитель МИД СССР сделал представление посольству Бельгии. В нем со ссылкой на якобы данные мной КГБ показания утверждалось, что я передал атташе по вопросам культуры этого посольства с целью контрабандного вывоза и продажи за рубежом дюжину редких печатных изданий начала XX века. Оклеветанный атташе по вопросам культуры опроверг обвинение: все издания были возвращены МИДу СССР, поскольку встречались со мной, владельцем, была невозможна. (...)

Обвинять ответчика в порядке частного уголовного обвинения по ст. 130 УК РСФСР мне мешает срок давности. Но в делах о моральном ущербе его нет. В материалах уголовного дела во всех моих показаниях (...) настойчиво опровергаются инсинуации следователя, абсолютно лишены каких-либо ных подтверждений в следственных материалах. (...)

В настоящее время материалы уголовного дела находятся на проверке в Москве, в Прокуратуре РСФСР, что облегчает Мосгорсуду подготовку к судебному разбирательству настоящего иска.

В связи с вышеизложенным прошу:

1. Рассмотреть иск с возможным привлечением в качестве соответчика УКГБ по Ленинградской области, на основании умышленной дезинформации которого МИД СССР опроверг меня в распространенных им сведениях.

2. Обязать ответчика (МИД СССР) принести мне извинения в присутствии представителя Бельгийского посольства в Москве и тех представителей

прессы, которые могут пожелать при этом присутствовать.

3. При невозможности обеспечить мое личное участие в судебном разбирательстве, уведомить о нем адвоката Бичуца А. А., имеющего поручение вести надзорное обжалование приговора.

4. Возбудить уголовное дело против УКГБ по Ленинградской области (следователь — Рябчук Виталий Николаевич) о должностном подлоге.

В письме отсутствует перечень книг, судьба которых волнует их бывшего владельца Михаила Казачкова. Для читателей сообщим, что стоимость этих футуристических изданий по аукционным ценам 1975 года достигала 100 000 рублей. Сейчас, по мнению М. Казачкова, предполагаемая цена только этой дюжины конфискованных книг может составить около полумиллиона рублей. К сожалению, в материалах уголовного дела, в решении Ленинградского суда, выносившего приговор с конфискацией, нет четкого указания на дальнейшую судьбу этих книг. Но еще большую озабоченность вызывает судьба уникальной коллекции произведений искусства, пропавшей тогда же, пятнадцать лет назад при весьма загадочных обстоятельствах.

Охранная филькина грамота

В Ленинграде Дора Аркадьевна Казачкова живет с 1929 года. За эти шесть десятилетий семья сменила не одно пристанище. Сейчас 77-летняя женщина живет в коммунальной квартире на Мичуринской улице. Из окон дома виден легендарный крейсер «Аврора». Стены просторной комнаты увешаны картинами.

— Это все подлинники, — не без гордости сообщает хозяйка, неторопливо разливая чай. Через мгновение с грустью в голос добавляет:

— То, что чудом уцелело... А началось все вои с той картины, что висит сверху. Эта работа мало кому известного художника Пузыревского — первая в моей коллекции. Хорошо хоть она уцелела. Может, как раз потому, что не имеет особой ценности. Но для меня это память и о муже, и о нашей молодости...

Муж Доры Аркадьевны был прирожденным коллекционером. Собирали сначала деревянные открытки. Их накопилось очень много, и занимали они почти все ящики огромного старинного шкафа. Жена предложила продать коллекцию, а на вырученные деньги купить какую-нибудь картину, повесить ее на видном месте: пусть глаз радуется. Так и сделали. В те годы картины стоили недорого, и семье Казачковых удалось собрать отличную коллекцию. Правда, на это увлечение уходили все сбережения супругов.

Муж работал заведующим кафедрой в институте, вспоминает Дора Аркадьевна, — я преподавала историю. Кстати, тему моего научного исследования подсказал В. Н. Бонч-Бруевич, которому я до сих пор благодарна за поддержку...

Итогом многолетней, кропотливой работы Казачковых стало уникальное собрание русских живописи и графики XIX—XX веков. Среди собранных картин были полотна Судейкина, Коровина, Левитана, Поленова, Серебряковой, Архипова, Бакста, Кустодиева, Кандиновского и других. Еще при жизни родоначальника коллекции — П. П. Казачкова — собрание картин поставили на учет, государство взяло его под свою охрану. Владелец была выдана охранная грамота, где указывалось, что никакие перемещения, коллекции, изменения в ней без ведома представителя Управления культуры Ленгорисполкома недопустимы. Кстати, картины из коллекции

побывали во многих городах страны на всевозможных выставках, посетители которых благодарили за предоставленную возможность приобщиться к высокому миру искусства. Чей глаз радуют эти полотна сегодня? Можно утвердительно сказать лишь о трех картинах, что они стали после конфискации достоянием народа. Эти три полотна в настоящее время выставлены в экспозиции Государственного Русского музея в Ленинграде. Три картины из множества уникальных полотен. Где же остальные? Впрочем, не будем забегать вперед. Послушаем, как запомнились обстоятельства конфискации и связанные с этим дальнейшие события Д. А. Казачковой:

— Незадолго до Мишиного ареста у меня дома протек потолок. Полотнам угрожала гибель. Понятно, что делать ремонт, когда в комнате столько ценных картин, было невозможно. Поэтому, я свезла то, что смогла к своей сестре на Петроградскую. Среди картин было и большое живописное полотно Л. Бакста. Между прочим, ничего подобного я не видела ни в одном музее страны. Вскоре после ареста моего сына на квартиру к сестре приехали сотрудники Ленинградского КГБ и, даже не поставив меня в известность, вывезли все, что там находилось. Насколько я знаю закон, конфискации подлежат лишь то, что принадлежало осужденному. Я посчитала себя вправе требовать изъятия у меня картины. Пришлось обращаться в суд. Можете себе представить: как на меня посмотрели судьи: дескать, пришла мать изменника Родины судиться с КГБ! Но я все-таки надеялась, что справедливость восторжествует, ведь у меня при себе было неоспоримое доказательство — список картин, составленный мужем еще в пятидесятые годы, когда Миша был совсем маленьким мальчиком. Я показала этот список судье Барановой, которая должна была вести заседание. Та лишь покачала головой и сказала: «Миленькая, я все понимаю, но ведь это же кэ-э-э-бэ...» И это было сказано в здании городского суда на Фонтанке. Впрочем, о правовом государстве тогда даже не говорили.

Когда к Михаилу Казачкову пришли с обыском и начали забирать картины, тот попробовал было возражать: нужно пригласить работника культуры, как того требует охранная грамота. Это позволило бы правильно составить опись изымаемых картин. Была бы хоть какая-то гарантия того, что все будет сделано законно, и уж во всяком случае присутствие постороннего могло бы внести коррективы в дальнейший ход событий. Однако, сотрудники Ленинградского КГБ проигнорировали требование подозреваемого в измене Родине и других тяжких преступлениях. Не утруждая себя в осторожном обращении со старинными полотнами, они вынесли конфисковать во двор, погрузили и вывезли в неизвестном направлении. Кстати, конфискованной оказалась и сама охранная грамота, таким образом переведенная в статус филькиной.

Музей на Литейном

Над вопросом, какие картины кому принадлежали, следователи КГБ голову не ломали особенно. Они сами на свое усмотрение определяли, что принадлежит Казачкову, и стало быть, подлежит конфискации, а что можно и оставить. Брали, понятное дело, самое ценное. Редчайшая станковая картина Л. Бакста (под ее репродукцией в монографии И. Пружан есть пометка «Собственность семьи П. П. Казачкова», — то есть, отца Михаила). Ценнейшая работа 1885 года художника Михаила Лебедева

(материалы дела и показания свидетелей доказывали, что картина была приобретена матерью подсудимого и поэтому принадлежит ей). Однако, в деле изъятия полотна, по утверждению М. Казачкова, не обошлось без личного участия заместителя прокурора по надзору за КГБ И. В. Катуковой. А между прочим, после смерти П. П. Казачкова в переформированной охранной грамоте Д. А. Казачкова указывалась владелицей, а сын — всего лишь хранителем коллекции. Это означало, что продажа или обмен любой картины были невозможны без санкции матери. Но оказалось, что закон не для всех одинаков.

И все же Д. А. Казачкова продолжала добиваться справедливости. Она написала жалобу на имя Ю. В. Андропова (было это уже в конце 70-х). Председатель КГБ СССР распорядился разобраться. Вскоре Дору Аркадьевну вызвали на Литейный проспект и в длинном коридоре, не вселявшим в эту женщину оптимизм, учреждения привели в комнату. Войдя в нее, посетительница опешила. Такой же эффект наверняка произвел бы увиденное в этой комнате на любого, кому удалось бы туда проникнуть.

Вспоминает Д. А. Казачкова: — Я не могла даже предположить, что в этих стенах на Литейном могут находиться такие ценности. Мне пообещали вернуть эту Бобровскую, который еще надо было найти в этом «музее». Вообще, отыскать здесь что-либо практически невозможно: картины свалены в кучу, рамы стояли прямо на полотнах и легко могли повредить холсты, все это покрывалось пылью. Я пересмотрела собранные здесь картины и не нашла ни одной своей — видно, наш случай в практике Ленинградских чекистов не единственный. Тогда подполковник Глушков, если мне не изменяет память, сказал: «Подберите в таком случае что-нибудь на Ваше усмотрение...» Я выбрала этюд Фокина — не бог весть какой, но нечто подобное было в нашей коллекции. Сопровождающий меня «экскурсовод» очень медленно и аккуратно заворачивал этюд в бумагу, скреплял скрепками. Затем протянул белый лист бумаги и велел писать расписку. Я написала. Он попросил подождать, а сам куда-то вышел, должно быть, понес расписку начальнику. Вскоре вернулся, молча взял сверток и так же медленно и аккуратно стал разворачивать его, при этом не проронив ни слова. Потом сказал: «Мы еще поищем Ваши картины, а пока возьмите вот это, и протянул мне деньги, сорок рублей: «Мы тут собрали немного...»

Картину Бобровского ищут по сей день.

Помимо русской живописи были изъяты и конфискованы ценнейшие картины западных художников XVII века, уникальная библиотека специальной литературы по живописи и других редчайших изданий начала XX века: первые издания русских поэтов, манифесты и литографированные книги футуристов — их судьба неизвестна. Бесследно исчезла значительная коллекция древнерусской мягкой пластики и собрание 60 русских натальных крестов XI—XVII веков, коллекция из нескольких десятков древнерусских книг, первопечатных и рукописных, часть из которых иллюстрирована. В чьи руки попало все это?

Станет ли тайное явным?

Наверное, понадобится не один год, чтобы вернуть пропавшие ценности (если не семье Казачковых, то, во всяком случае, государству). По горячим следам раскрыть тайну этой редкой пропажи было бы про-

ще. Но время потеряно безвозвратно. Куда же тянется ниточка? Разное говорят. Одни утверждают, что тянется она к бывшему в то время первым секретарю Ленинградского обкома КПСС В. Н. Романову — известному любителю старины и роскоши (нашумевшая свадьба в Эрмитаже — косвенное тому подтверждение). Другие считают, что не обошлось во всей этой истории без Ю. В. Андропова, возглавлявшего тогда КГБ СССР. Он, к сожалению, не сможет пролить свет на это запутанное дело. А вот что касается Романова, который сейчас живет на даче в Подмоскowie, то, возможно, он мог бы поделиться какими-нибудь сведениями о событиях, происходивших в середине 70-х годов в городе на Неве.

Называют также имя А. А. Громыко, который долгие годы работал на ответственных государственных постах, собрал огромную коллекцию картин. Говорят, будто видел кто-то одно из исчезнувших полотен в этой частной, закрытой для постороннего глаза, галерее бывшего государственного мужа.

Сам же Казачков считает, что все произошедшее — дело рук ленинградских чекистов. Какие у него для этого есть основания? Не поддается ли он эмоциям? В одном из своих писем из «зоны» он пишет: «Приведу одно из косвенных подтверждений умысла КГБ присвоить художественные ценности: они опасались, что я перед арестом мог спрятать кое-что. Конечно, при многократных, технически зафиксированных мной негласных обысках моей квартиры все фотографировалось, однако, для предъявления этих «фотокаталогов», добытых в нарушение буквы закона, требовалось их легализовать. Поэтому летом 1975 года ко мне напросился посмотреть картины «однофамилец» из Сибири. Этот студент Новосибирского университета находился в академическом отпуске и жил, по его словам, перепродажей западных пластинок, цены на которые были ниже в Ленинграде. Юноша попросил разрешения сфотографировать картины (это якобы его хобби), но мне тогда же показалось, что делал он это как-то неумело, видно было, что особого опыта обращения с фотоаппаратом у него нет. Да и зачем? Ведь фотографии КГБ уже сфотографировали все, что им было нужно».

Правда, это тоже версия, которую еще надо доказать, и понятно, что сделать это сейчас, спустя полтора десятилетия, практически невозможно.

И все-таки вполне реально, что ценности могли осесть в чьих-то руках. Действовавшая тогда система, полное отсутствие гласности в подобных вопросах, связи с высокими чинами — все это допускало возможность присвоения уникальных вещей. А кто-то вполне мог погреть на этом руки.

Итак, в Государственном Русском музее сейчас можно увидеть лишь три картины из упомянутой коллекции. Эти вещи — далеко не единственные ценные из входивших в нее полотна. Бесследно исчезли, например, картина В. Кустодиева «Лошадь во время грозы» (1917 год), входящая во все перечни основных работ художника; самая ранняя работа В. Кандиновского «Одесский порт» (масло, холст, 70×50). Правда, в деле есть подписанные искусствоведом Е. Ф. Ковтуном акты экспертизы, которые, признавая подлинность этих картин, оценивают их всего лишь по шестисот рублей. А переданные музею вещи, наоборот, сильно завышены в цене. Например, этюд А. Богомазова, купленный М. Казач-

(Окончание на 2 стр.)

ТАЙНА ОДНОЙ ПРОПАЖИ

(Окончание)

Начало см. на 3 стр.)

ковым за год до ареста у певица Д. Гнатюка за 260 рублей, оценен в пять раз дороже.

Вы спросите, какой во всем этом смысл? Дело в том, что по существующим правилам конфискованные органами КГБ имущество продается через комиссионные магазины. Согласно, что если вещь представляет собой высокую ценность или является дефицитным товаром, и при этом установленная своим же экспертом цена на нее значительно занижена, то тот, кому известно, в какой комиссионный магазин направлен товар, может без особого труда, вполне законно оформить покупку. Тем более если предположить, что возможным «покупателем» был кто-либо из высоких чинов КГБ или партийных руководителей. К тому же учтите, что все это происходило в 70-е годы, когда высокопоставленные особы были недосягаемы для правосудия, а отсутствие гласности позволяло безнаказанно, втайне, творить преступления. Но тайное, сказано в Писании, становится явным...

Кое-что проясняется уже сейчас. Так, «Огонек» (апрель, № 15, 1990 г.) в очерке «Страсти по Филонову» рассказал о загадочном исчезновении из фондов Государственного Русского музея работ П. Н. Филонова и не менее загадочном их появлении в Париже. В музейном детективе с прологом и эпилогом — так определен жанр журнальной публикации — обращается внимание на многие непонятные вещи, которые начали происходить в одном из крупнейших музеев мира, начиная с 1977 года. Обратите внимание: именно в это время должна была решаться судьба коллекции Казачковых. Случайное ли совпадение, что опытный директор музея В. А. Пушкирев, «проводивший независимую линию», вдруг стал негоден именно вскоре после судебного процесса над коллекционером? Пушкирев был не по натуре многим властью имущим, особенно в городе на Неве, — утверждает «Огонек». От неудобного руководителя избавляются как раз в период ожидаемого поступления. Осенью 1978 года «неожиданно покинули музей два хранителя отдела советской графики, проработавшие там много лет, и на их место назначили новых людей». Но самое интересное читаем дальше: «При этом одна из вновь назначенных сотрудниц должна была через два месяца уйти в декретный отпуск (ей уже было не до картин — И. С.), а муж другой в сентябре 1976 года проходил свидетелем по громкому делу научного сотрудника Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе Михаила Казачкова — валютчика и контрабандиста, ставшего платным агентом ЦРУ».

Оставим на совести автора безоговорочные ярлыки, но интересно, почему в публикации нет даже упоминания о конфискованной коллекции и ее дальнейшей судьбе? А задуматься есть на чем, если сопоставить факты. Так, например, директором музея в 1977 году была назначена Л. И. Новожилова, до того работавшая первым секретарем Дзержинского райкома КПСС Ленинграда. Можно с полной уверенностью утверждать, что это перемещение номенклатурного работника было сделано при прямом участии первого секретаря Ленинградского обкома партии Г. В. Романова. Автор публикации в «Огоньке» сообщает интересную деталь: «Новый директор была «своим» человеком в кулуарах власти». Однако, спрашивается, зачем понадобился «свой» человек «кулурам власти» не на торговой базе или рынке, а в Го-

сударственном Русском музее, да еще сразу после того, как туда могли или должны были попасть уникальные полотна, конфискованные пусть даже и у «валютчика и контрабандиста, ставшего платным агентом ЦРУ»?

Кстати, пересмотра того дела добивается сейчас не только сам осужденный и его мать, но и многие представители мировой общественности, народные депутаты различных Советов, и, как стало известно автору этих строк, незадолго до смерти намеревался сделать депутатский запрос о пересмотре дела академик А. Д. Сахаров.

Обо всем этом журналист умалчивает. Зато под материалом дает пояснение: «Когда материал готовился к печати, коллегия КГБ СССР приняла развернутое постановление, предусматривающее широкий комплекс мер по борьбе с контрабандой».

Постановления — вещь хорошая. Но может, компетентным органам стоит принять также меры по розыску и возвращению уникальных произведений искусства? Во время ареста Михаила Казачкова одна из важнейших работ Н. Альтмана находилась на выставке в Новосибирске. Судьба и этой картины в деле не отражена. Правда, акт передачи многих картин в Государственный Русский музей все же был составлен. Но, по утверждению Михаила Казачкова, он не был оформлен должным образом, к тому же, в нем допущены существенные ошибки. Например, работа современной художницы Нестеровой под росписью принята искусствоведом музея за большой холст Михаила Нестерова.

ЭПИЛОГ

Из приговора: «...На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 300—303 УПК РСФСР, Судебная Коллегия приговорила Казачкова Михаила Петровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями...

В соответствии со статьей 40 УК РСФСР окончательной мерой наказания назначить пятнадцать лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией имущества и валютных ценностей...

К основному сроку, определенному судом, были добавлены еще три с половиной года. Таким образом, общий срок лишения свободы на сегодня составил восемнадцать с половиной лет. Недавно Михаил Казачкова перевели в Чистопольскую тюрьму. Контакты с внешним миром здесь особенно затруднены.

Из приговора: «На основании ст. 96 УПК РСФСР картины, рисунки, книги, иконы, портативный магнитофон «Сони», стереоусилитель, грампластинки, магнитофонные кассеты, партитуры пишущую машинку № 634736, фотоаппарат «Зенит», серебряную монету, три чековых книжки банка для внешней торговли СССР за №№..., пять отрывных чеков банка серии «Д» на сумму 50 рублей, признанные вещественными доказательствами, обратить в доход государства».

Лишь с приходом перестройки мать смогла ознакомиться с этим «секретным» документом — приговором сыну. С какой скупостью в приговоре перечисляются названия и даже точные номера конфискованных предметов — магнитофона, пишущей машинки, фотоаппарата... А бесценные вещи, которые обогатили бы любой музей, называются как бы походя, одной общей фразой — «картины, рисунки, книги, иконы». Случайно ли?

Игорь СОВЕТОВ.

Разговоры о гуманитарной помощи не прекращаются и по сей день, хотя пик «посылочного бума» пришелся прямо на наше Рождество (а времени-то прошло достаточно) и несмотря на то, что на нынешний момент есть проблемы и поважнее, да побольше нас быющие.

...НО ДЕТИ БЫЛИ БЕЗУМНО РАДЫ

«Когда поутихнут страсти вокруг гуманитарной помощи, тогда и поговорим», — так отвечала я на все редакционные задания по этому вопросу. Отвечала так до тех пор, пока сама не получила коробку с вещами для моих многочисленных младших братьев...

«Сердечный привет из Швейцарии от жителей Кантона Тургау»: в коробке были вполне приличные детские шмотки — и почти не ношенные, и совершенно новые, и чьи-то любимые детские игрушки. Что сказать? Младший брат радовался, ибо все содержимое послышки годилось ему одному. Что чувствовали мы? Смешанное чувство благодарности и стыда, радости и досады. Ощущение такое, будто, узнав о постигших финансовых затруднениях, тебе всучивают десятку. И десятка нужна, и дают, вроде, беззастенчиво, от чистого сердца и широкой натуры. А поправная гордость — так бывает чаще всего — не дает тебе радоваться. Тому, конечно, у кого таковая имеется.

Если б не то детское питание, сухое молоко, диетические консервы и смеси — из Италии, а больше из Германии — то годовалому ребенку вряд ли удалось бы выдержать эту зиму. Что ни говори, но такая помощь была необходимой многим малообеспеченным семьям, вроде нашей, в которых есть маленькие дети.

...Потом был бунт. Большой частью в газетах. Кто кричал об униженном чувстве собственного достоинства и «национальной гордости великороссов», — кто — о «синдроме победителя», припоминая исход Великой Отечественной, кого хватало только на эмоциональные возмущения (и весьма справедливые) по поводу распределения помощи, ну а кто — с закрытыми глазами шептал: «Да не оскудеет рука дающего...» — ибо ничего иного не оставалось.

Московская патриархия устроила рождественскую елку в Колонном зале Дома Союзов для детей священников, где были роскошные и бесплатные подарки, фантастически изобильные заграничными сладостями, преимущественно германского производства, и могучим запахом нескольких рыжих апельсинах. Все добро было упаковано в красивый бумажный мешок с «Дедами-Клauseм» и желтыми шестиконечными звездочками. (Не знаю, право, как мимо последнего факта прошли российские «патриоты»). Но дети были безумно рады. Им все равно, откуда получать подарки. Подарок — это всегда приятно.

Почему-то на память приходит строчка из песни одного барда — Виктора Луферова: «Он отдаст чумою, этот пир...»

В некоторых послылках, пришедших из Швейцарии в реабилитационный центр Дикюля, были письма и даже деньги. Здесь комментарии излишни — поистине сочувствие без границ!

Но больше всех в спасении советских утопающих участвовали, несомненно, немцы. Имя и досталась львиная доля выпадов против подобной помощи.

Наиболее упрощенно мыслящие из наших сограждан подняли ропот — мол, немцы задумали не что иное, как подмять под себя хиреющую Россию и, если не поработить, то уж по меньшей мере поставить нас в экономическую зависимость.

Закономерно, что подобным образом высказываются по большей части те, кто никакого отношения к гуманитарной по-

мощи не имеет в силу своей, так сказать, относительно неплохой социальной обеспеченности. Крайне трудно понять, возмущение ли это против того, что сами оказались не у дел, или же сработал скверный рефлекс, позволивший им сказать «от имени и по поручению народа», что мы сами, мол, с усами.

Вообще, разобраться в этой каше изнутри крайне трудно, почти невозможно. Со стороны оно, конечно, виднее — отойти бы подальше и взглянуть по-строже, например, из самой Германии. «Немец бережлив», — говорил Тургенев, — но и сердце у него не каменное, добавим мы, — да ум сметлив.

В чем причина такого добросердия по отношению к Союзу — уж не в том ли обстоятельстве, что Горбачев первый из всех нанес визит в новоиспеченную объединенную Германию и сердечно поздравил с таким событием?

Но мысль такая кажется мне узкой. Как тогда понять слезы многих и многих немцев, работающих в СССР, которые те проливают над Прибалтийскими трагедиями и многими другими, как в былые времена проливали слезы из-за Армянской катастрофы, и прочая, и прочая... А как тогда понять тех, самых натуральных ФРГ-ных немцев, набрасывавшихся на каждого прибывающего советского с вопросами и соблазнами? Они прямо-таки доходят до иступления в своем сочувствии к нам. Они так уверены, что есть здесь нечего, ни тепла ни света, и что все мы тут такие — как та рыдающая бабка в пуховом платке, которую они все время видели по телевизору. Такое поведение немцев никакими государственными директивами не объяснишь, да и подобное «сочувствие по указанию свыше» было возможно только у нас. Тогда почему, раз немцы такие добрые, они по средам такие жесткие — по средам, когда все работающие в Москве немецкие поданные несут письма в свое посольство, чтобы отправить их диппочтой в Германию, — никто даже выслушать не захотел до конца — не то что помочь, а всего-то нужно было отправить срочное письмо. Ненавидят они нас. Потому что мы уже дошли до крайности в попрошайничестве. Гуманитарная помощь ему и не предназначалась — а он орет, обвиняет, доказывает свое право все это иметь. Потому-то немцы и шарахаются от нас, пристающих к ним около посольств. Что нужно советскому человеку? Одно из двух — либо визу, либо марки. А иногда и то и другое сразу. Они дали нам возможность пережить голодную зиму, — скажи им спасибо, а не кричи, что помогать перестали. Опустились мы у них в глазах до скотского уровня. Они нам дали почувствовать себя детьми мира без границ, равноправными членами мира людей, цивилизации, попавшими в беду...

Кому-то сейчас очень захочется упрекнуть меня в низкопоклонничестве перед заграницей.

Преклоняться перед нею никто и не собирался, однако и помощь, которую Германия (не забудем и другие страны) оказала нам, нельзя недооценивать. Мы очень плохо усваиваем уроки милосердия, преподанные нам в недалеком

прошлом, когда весь мир бросился помогать Армении.

...Попытка взглянуть со стороны окончилась почти неудачей. Я позвонила своему другу немцу, свободному журналисту в Гамбург, чтобы спросить, как он относится к гуманитарной помощи. Сразу же голос его приобрел резкие интонации. «Я не понимаю, зачем ты меня об этом спрашиваешь, — это неважно, как я к этому отношусь. Помощь — это только один момент, и он тоже ничего не меняет. Советских людей очень трудно изменить, и наша помощь вас ничему не научит... Я не хотел обидеть тебя, но я с самого начала считал ее бесполезной...»

В действительности ли она оказалась бесполезной? Судя по тому, что некоторые нандефицитнейшие продовольственные товары появились на прилавках коммерческих магазинов, помощь оказалась полезной приткным делягам. Но судя по тому, что кое-что, и не очень мало, все-таки дошло до инвалидов, пенсионеров, многодетных, матерей-одиночек, детских домов и домов престарелых, — эффект есть. Небольшой, но все же есть. Пусть он не сравним с эффектом «деятельности» ловкачей. В моральном же аспекте мы приобрели даже больше, нежели в материальном. Мы должны почувствовать, что были не одни в схватке с действительностью и несостоятельностью властей. Были не одни. Следующей зимой, боюсь, уже никто нам не поможет, кроме нас самих. Да не оскудеет рука дающего?..

Ольга МОРОЗОВА.

ВАША РЕКЛАМА
В НАШЕЙ ГАЗЕТЕ —
ЭТО ВАШ ПУТЬ
К УСПЕХУ

МЕЧЕННЫЙ АТОМ ЛЬВА АННИНСКОГО!

В семидесятые годы в нашей легальной печати — социальной критике — ее роль выполняла литературная. Стреляного не печатали, Селюнин не писал! Литература изображала жизнь, критика критиковала и комментировала — не столько субъект литературы, сколько объект.

Лев Аннинский был все это время «анфан террибль» и едва ли не самой заметной фигурой литературного процесса. Он дразнил самой непредсказуемостью в выборе темы: за московскими повестями Трифонова — «Как закалялась сталь», за историей толстовских экранизаций — Борис Корнилов, за прозой Прибалтики — поэзия Фета. Его книги и статьи ходили по рукам, ожидалось, как откровение. Что это — критика, литературоведение, социология, монологи на вольную тему — понять и теперь нельзя. Его стиль — эпатазирующее смещение академического филологического лексикона, интеллигентского (и даже не только!) жаргона и повседневных бытовизмов — узнавался мгновенно, как и демонстративная категоричность суждений: словно приятелю по телефону рассказывает.

Это мы теперь увидели, что Аннинский, в сущности, писал о литературе, кино, живописи. А тогда нам всем казалось, что он пишет непосредственно о нашей жизни во всем ее многообразии, с духовными взлетами и материальными провалами. О блеске и нищете либеральной интеллигенции. О чистоте и фанатизме Корчагина и его сверстников. Об абсурде окружающего. И потому, когда обо всем этом заговорили те, кому положено — экономисты, политики, историки, — мы удивились: а он-то, что, НАШ Аннинский — в чистую литературу ушел? А он и был в ней всю жизнь, только мы его читали как универсала. Между тем его теперешние работы зачастую глубже и выдержаннее прежних, но нам и это импонирует, ибо мы привыкли к дерзкой разговорности самых серьезных его работ, вплоть до монографических. Самая диссидентская монография начала 80-х — «Лев Толстой и кинематограф» Аннинского: казалось бы, куда уж дальше от наших дней? — но страшно «инакая», очень «мыслящая» книга, а значит, инкомыслящая, по всем традициям русской демократической критики. Учителем Аннинского был Андрей Синявский (именно поэтому, а не из политических принципов, подписал Аннинский письмо в защиту Синявского и Даниэля), и ученик в эту традицию вписался. В чем ее суть? Анализ каждого произведения «в упор», без посредника, словно ничего еще об этом не написано. Абсолютная свежесть взгляда. Живая интонация. Он обожает подначку. Его дело — разозлить, завязать спор, потом можно потирать руки, посмеиваясь. Мне помнится битком набитая студия Игоря Волгина в МГУ, где шесть лет назад Аннинский читал статью с последующей дискуссией. Он что-то такое сказал, все подрались, забыв о зачинщике, а когда некая бледная томная дева с кругами синими у глаз (таких тогда было много, все любил Булгакова, Любимова и числили себя врагами народа) сказала, что вообще Петр I ничего не понимал и не надо было рубить окно в Европу, — Аннинский только что не крикнул от удовольствия: эк занесло! Он сидел в углу, невысокий, бородатый, крепкий, с лицом и манерами интеллигента, аристократичного до естественности. При бешеном полемическом темпераменте его интеллигентность поражает: терпеливейшее дослушивание, пропускание вперед в дверях, когда мы пошли его провожать.

Тогда, шесть лет назад, я спросил его:

— Лев Александрович, это все очень хорошо, что вы говорите, но кто заставит людей делать хоть что-нибудь?

Теперь я повторил этот вопрос.

— Тогда вы сказали: «Верю в ход вещей». И статья ваша так называлась. Ход вещей, жизнь — все делается ими...

— И теперь скажу. Кроме хода вещей, нет силы, управляющей ситуацией. Я не оптимист и даже не пессимист — я фаталист. Видите ли, работать хотят на самом деле 2—3 процента людей, которым нравится их дело. Остальных можно заставить двумя путями: или это рубль и рынок, или кулак и лагерь. Если рынок, то сильный побеждает, слабый уступает, видны умные и дураки. Этому наш народ на протяжении десятилетий сопротивляется очень мощно и ярко: неравенства и ясности мы не выносили никогда! Народ наш все делает таинственно, «западло». Другой способ — лагерь: надо выделить еще процентов 20 людей с автоматами, чтобы они в этот народ при случае стреляли. Я не абсолютно доверяю аналогиям, но российская история показывает: народ всегда слушался только тиранов. Манера завидовать, мечты о равенстве и повальное ощущение, что отнять легче, чем создать, — все это соответствует глубинному характеру народа. И я часть его, уж коли я тут живу. Если он выбирает, извините меня, социализм, — я с ним пойду в этот социализм, если рынок — пусть будет рынок, хозяин, богатый, толстый (это все чепуха, что толстый, он как раз будет худой, но так-то наша мифология). Других способов заставить людей работать нет. Обоим мы боимся смертельно: и на том, и на другом обжигались. Поэтому, как навоз в проруби, болтаемся между двумя течениями.

— И что же ход вещей?

— Боюсь, что заставить наконец работать может только крайняя степень кризиса.

— Жареный петух клонит?

— Или нас кто-нибудь завоюет, то есть цивилизует. Потому что с танками вряд ли кто-то пойдет, хотя нас всегда завоевывали, именно чтобы цивилизовать. В 1914 году один немецкий генерал писал в дневнике: «Мы их научим снимать с волжских черноземов настоящие урожаи!» Нами правили татары, сделавшие нам государство, литовцы, византийцы, теперь — украинцы. А цивилизовать всегда пытались немцы, наши двоюродные братья, с их грубыми шутками и солдацничеством, — единственный народ, который не гнушался лезть в нашу грязь. Время от времени у них кончалось терпение, они шли нас лупить, а в результате мы лупили их. Извините мне жуткую аналогию, но мы — как дикие звери в клетке, а они — дрессировщики, которые время от времени заходят в клетку наказать зверей и выходят покормить. Ведь Россия — баба, и чтобы от нее чего-то добиться, бабу надо шекотать. А они — с танками, естественно, что она их била! Мы всех побили и хотели научить жить, а теперь сами униженно ползем: помогите кто-нибудь, не побрезгуйте! И потому мне больше всего хочется, чтобы мы сами себя цивилизовали. Мы безумно талантливый народ, но страшно дурной, именно дурной: дурь и глупости — разные вещи. И мне обидно, если, нас ЧУЖОЙ заставит работать, если не проснется самосознание. Проснется оно, мы смогли бы дать что-то миру опять именно как русские, — и к нам немедленно все прилетит, ведь русским быть лестно, ведь Карлу Брюлло захотелось называться Брюлло-вым! А теперь мы все портим и гноим под собой, все вспоминают о своем происхождении и чешут отсюда...

— Мы провалились?

— Страшно. Солженицын потому и великий русский писатель, что первый нам на весь мир сказал, что мы в дерьме! От другого мы бы не выслушали.

— Но если мы провалились полностью, — значит, напрасны были мечты всех без исключения лучших умов человечества? Не Ленина, не Маркса даже — но Пушкина, но Вольтера, да мало ли кого! Вы ведь сами в статье о Корчагине (единственная, по-моему, статья, где роман не оценивается, а исследуется как документ эпохи) в 1975 году писали, что революционеры были люди страшные, но — чистые!

— Чистые. Вы задаете самый страшный вопрос. Все это было напрасно, это опыт у Господа Бога, его ловушка. И мы попались в нее, как самый доверчивый народ!

— На идею насильственного счастья?

— Это следствие. Первоидея была — золотая мечта человечества: как бы сделать так, чтоб не делать грязной работы, чтобы все жили творчески и как духовные люди! Но, милые вы мои, творчески Господь одаряет немногих, творческий момент всю жизнь ищешь, а девяносто процентов — работа! Мы сейчас любой призыв к ней (или, не дай Бог, к принуждению) воспринимаем как насилие, как попрание свободы, но свобода — это когда моя свобода ограничена свободой другого. А мы ищем — волюшку! Мы хотели построить рай на земле, а на земле бывает только ад, рай бывает исключительно в душе. С точки зрения этой безумной идеи мы все делали правильно. Землю надо обустроить так, чтобы она кормила всех и чтобы не надо было на ней работать. Все побежали в гору! Словом, мы получили то, что хотели: тотальное безделье. Такого митингового безделья не позволяет себе ни один народ! Вышла страна людей либо без дела, либо занимающихся не своим делом, все смешалось, спуталось, государство непрофессионализма во всех проявлениях. Каждый будет лучше махать кулаками на митинге, переберет половину сограждан, чем встанет утром и пойдет работать! Нам надо, наконец, сказать себе: НЕ БЫВАЕТ общества без принуждения! Кулак, рубль, ход вещей — все заставляет, поэтому лучше самому заставить себя! Я был в ФРГ, ныне несуществующей, — и заметил, что с самолета у всех полей один и те же три цвета: рапс, еще что-то и еще что-то. Спрашиваю: почему все сеют одно и то же, ведь они свободны? У них это вошло в кровь — и им этого хочется. А наше отсутствие самодисциплины — сегодня уже черта национального характера, обратная, что ли, сторона нашей безудержности и безграничности в сфере духа.

— Вас этот народ с его безудержностью не пугает?

— Пугает, но я люблю его. Не уважаю, — что правда, то правда. Но я не могу ему сказать всей правды о нем, какую знаю, — меня просто бабы на углу линчуют, если я им все это скажу. Поэтому я обязан ерничать, шустрить, ибо это традиция русского интеллигента — от скомороха, от юродивого: чтобы его слушали, он должен был сделать вид, что паясничает. Не хочешь, не слушай, а паясничать не мешай!

— А нет у вас интеллигентского комплекса вины перед этим народом? Скажем, в статье о Трифонове...

— Я не о Трифонове, я о себе писал. Что касается вины перед народом, — это пошлейшее выражение, ну раз уж вы его употребили, — интеллиген-

ция от дворян, через разночинцев, этот комплекс унаследовала. И я тоже. Но поскольку я сам часть этого народа, то это вина не перед ним...

— А перед теми, кто работает лопатой, пока вы работаете пером?

— И даже не это, потому что граница пролегает не между пером и лопатой, — скульптор работает лопатой, а бухгалтер пером, и все равно виноватым себя чувствует скульптор, потому что ему интересно, а бухгалтеру нет! Я знаю ват перед теми 98 процентами, которые не хотят работать, которые тащат службу! Перед солдатом, который тянет палец перед генералом, который зубами держится за дачу, перед всеми, кто от звонка до звонка делает то, что ему неинтересно! А я счастливый человек, мне крупно повезло от Бога, я делаю — или думаю, что делаю, — то единственное, что я умею и люблю! Репин это чувствовал еще в начале века, он сказал: не думайте, что мы несчастны! Да, мы встаем с утра, и работаем до изнеможения, и платят нам гораздо меньше, добавлю я от себя, — любой работник получал бы больше меня, не пропивай он эти деньги; и мы, — продолжал Репин, — трудимся так, что кисть привязываем к кисти руки, ибо пальцы ее уже не держат, но это все чепуха, мы счастливы, безумно счастливы, не говорите только никому, нас ведь убьют!...

— Значит, нет народа и интеллигенции, а есть профессионалы и непрофессионалы?

— В известном смысле да. Но и не совсем так: видите ли, у нас интеллигенция выделялась в страту, в социальный слой, отличающийся привычками, пороками домашних собак... А я не хочу быть в страхе, я ощущаю себя частью этого народа, я его атом, но — меченый атом. Который кричит, испускает свою радиацию из всех сил, даже не думая о том, кто и как воспримет это. Интеллигенция, пишу я в новой статье, должна делать свое дело, а дело народа — ее уничтожать. Ей же предстоит как Фениксу возродиться из пепла — в ожидании нового уничтожения.

— И после всего этого вы не чувствуете ужаса перед страной воинственного быдла?

— Знаете... есть английская мудрость: честный человек с преступником априори будет разговаривать, как с честным. А преступник и с праведником — как с преступником. Так вот я мерю по себе. И я плоть от плоти этого быдла, и я чувствую безумную радость, когда мне удастся кого-то перемахнуть, ответить криком на крик в толпе, — но эта радость мгновенно сменяется у меня жалостью к моей жертве, к тому, на ком я сорвался. Так и этот народ: он и орет на меня, и жалеет. В нем есть и жестокость, и тупость, но — и милосердие, и взаимопомощь, и если вы окажетесь в такой экстремальной ситуации, как очередь за кончающимся продуктом, вы увидите чудеса сплоченности!

— Или все друг другу глотки перегрызут. Нельзя всю жизнь ждать экстремальной ситуации, чтобы стать людьми!...

— Да это постоянно живет в народе, это ангельское начало, которое есть в каждом. Если я в него не буду верить, мне и собственная честность будет сомнительна! Я лучше буду относиться к народу — хотя я очень плохо к нему отношусь, но я не ставлю на нем крест. Он фантастически живуч. В нем все это выжило и никуда не денется.

— А я и в себе не уверен до конца. Недавно, стоя за пивом и наблюдая мерзкую пьяную драку близ ларька, я

думал: вот проломит одному голову кружкой, — и я, со всей своей нравственностью, брошусь прочь одним из первых, дабы не попасть в свидетели, не сплоскаться в общей свалке, но уж никак не побегу оказывать первую помощь...

— Даже и пиво свое постараетесь сберечь на бегу! Все верно. И все-таки потом вы вернетесь и посмотрите, что с ним. И поможете. В вас это живет, ни на что не смотря.

— И еще. Интеллигенция, говорите вы, катализатор. Но вам не кажется, что республиканские интеллигенты как раз и докатились до взрыва национализма везде?

— А это было неизбежно! Когда я писал о прибалтах, я и сам это приближал. Другое дело, что сейчас мне обидно, как всякому дураку, от которого уходят умные. Но я понимаю, что если бы Прибалтика сейчас не отделилась, она бы через два поколения стала Россией и была бы вместе с нами в этой... Вопрос о границах — вообще для нас коренной вопрос.

— Это во времена всеобщей интеграции?

— Одно другому совершенно не мешает. Я говорю о тех границах, которые определяются ходом вещей: не делай того, что не нужно, не насилуй того, кто не хочет. В США я был потрясен тем, как итальянцы независимо живут в своей «Литтл Итали», китайцы — в «Чайна Таун», евреи и русские — на Брайтон-Бич и еще где-то, но в своих офисах все разговаривают по-английски и соблюдают единое законодательство. Независимость при независимости, самоограничение, потому что так надо! У нас же нет границ ни в чем, мы не желаем ограничить свою свободу. А как немец засаживает дюны, чтобы они не осыпались? — он первым делом ставит ограды, плетеньки, чтобы песок не гулял, и засаживает каждую делянку крошечными растениями, чтобы они сцепились с этим песком и создали первый плодородный слой. Он растет из десятков поколений растений, пока не вырастет огромный красавец лес. Но начинается дело с границ. У нас такие границы мы сами себе должны установить, — и, кроме свободы цен, я выхода не вижу. Тогда каждый будет покупать только то, что ему нужно. Ходу вещей нельзя мешать — мы в этом уже убедились. Если ему не мешать, никто не будет бить мне морду — все просто поймут, что ВЫГОДНЕЕ использовать меня в том качестве, в каком я умею и люблю работать.

— Но литература теперь в кризисе, — есть ли вам, о чем писать?

— Литература не может понять одного: она всю жизнь говорила народу — «ты великий, ты творческий, весь мир насилие ты разрушишь!» — не 72, а 272 года она это говорила, а теперь надо говорить совсем другое. Будь обывателем, будь тихим работником, будь и мешанином, если это в твоей природе, — но делай что-то! И начнут делать, я уверен, если те же границы — собственности, права, закона — будут мне гарантированы, что завтра не придут с топорами и лопатами, не сожгут мою книгу, не разобьют скульптуру, не растопчут мою клубнику, которую я — если я работаю на земле — растил...

И ради этого я буду делать то, что делаю, что мне от Бога положено, — писать о литературе, потому что чужой текст дает мне толчок, вызывает у меня массу разных мыслей, и это наслаждение — анализировать его, в нем копаться, искать толкования и ходы. Я счастлив здесь и сейчас, несмотря ни на что, и никуда не денусь отсюда, потому что здесь — мой язык, среда моей работы и обитания, — разве что все русские возьмут и переселятся куда-то, — тогда я, разумеется, с ними.

Дмитрий БЫКОВ.

Предлагаемая ВАМ подборка стихов, представлена литературным объединением «Новые Символисты», и открывает собой нашу поэтическую страничку, на которой мы будем знакомить ВАС с различными направлениями в современной поэзии.

Дмитрий ПОСПЕЛОВ.

Ночь. Середина января.
Зимой раскрытые объятия.
Как не хватает мне тебя:
В фате и подвенечном платье.

Как не хватает мне тебя
Такой знакомой и желанной,
Танцевальной и долгожданной.
Ночь в середине января.

За закованной в мрамор дверью,
Где вдруг сбудутся все мечты.
По знакомому с детства
поверью,
Я знаю ждешь меня ты...

Я знаю, что темною ночью,
Закованным в сталь годам.
Письмо разорвешь мое
в ключья,
Но день унесет к мечтам.

Но день унесет к надежде,
По старым твоим следам
Пойду наугад, как прежде.
К цветущим сиреневым садам.

К цветущей сирени, восторга
Хранимый нелепой судьбой.
Бумажками Внешпосылторга,
Расплатимся мы с тобой.

Расплатимся мы с проклятьем,
Не нужных расчетов и слез.
И снова сомкнем объятия
Забуду я свой вопрос.

Забуду я свою ревность,
Волшебным мигам пленен.
Не верю я в твою верность,
Хотя как глупец влюблен.

Хотя как глупец, верю
Лживым твоим словам.
Надежда хлопнет дверью
Порывом к моим мечтам.

Порывом к моим сонетам,
Безумною краской дня.
Ненужным таким ответом,
Как мне не хватает тебя.

Заунывный мотив, отразится как глянец на отблеске клавиш рояля,
И опять ты молчишь, отстраненно стоя как гвардеец у входа Пале-Рояля.
И еще одна ночь, отражением дня уходящего в смутное было,
И безумство проблем, между нами встает похоронным крестом как могила.

Ты пройди, с отрешенным лицом, сквозь ворота: чистилища, рая, и Дантова ада,
И пойми, что леса Кривомерий ничто, по сравнению с чудом цветущего сада.
Дикой похотью плоть, вдруг взорвется в любви и в безумстве, в надежде,
На лиру Валтасара никто не сравнится с вакханалками, в рваной одежде.

Л. С.

Этот странный предел, невозможности веры в мечту.
Эти тонкие простыни, отблеск на глянце портрета.
Я тебя обожаю по-прежнему, только одну.
И на письма свои, недождусь никогда я ответа.

Эта дикая странность, способности к вечной любви.
Это проблеск последнего, горького бабьего лета.
Невозможность ума, ожидание губ позави...
И разорванный в гневе листок, как письмо без ответа.

Этот твой поцелуй, эта горечь разбуженных губ.
Эти ласки оттаявших рук, их пьянящая сладость.
Эта громкая музыка, чужих-то потерянных труб.
Это тело, которому время подарит усталость...

Я опять ухожу в никуда, я опять ухожу...
Я тебе объяснил в любви, но как этого мало.
У дверей, у твоих я цветы уходя положу.
И того, что случилось меж нами—давно уж не стало.

Изыскство — замкнутой цепью,
Искусство — понятие круга.
Усталые лошади степью,
Предательство лучшего друга.

Усталое сердце порою,
Проснется безумной надеждой.
Как день очарован весною,
Призрением к ветхой одежде.

Толпа, проявление воли,
Инстинктов, звереющих в чреслах.
И тот, кто мечтал о покое,
В изнеженных бархатных креслах.

Владелец безумной идеи,
В нем есть проявление страха.
И вот вопрошает он: где я?
И снова безумие праха.

Усталость — забота для близких.
Признание — щадящая вера.
Сонет — утешение нищих.
И зелень манящего сквера...

Нина ЛУКЬЯНОВА.

За домом — почерневшим отголоском
восторженного века — тень твою
я разглядела и дошла за нею
до черных вод под каменным мостом.

Над городом тревожный запах тайны
окутывал полночную листву.
И липы шелестели, и случайный
прохожий завернул в соседний двор.

А было все как в плохеньком романе
на пятачке сюжета и судьбы.
И было так, что все перемешалось:
земля и небо, жизнь и смерть, и мы.

Закрывать на замок — зарыться в эти
ладони, осторожные, как хлеб.
И не хотеть сраженья — в отступлении
угадывая свой победный шаг.

Я столько раз развязывала узел
твоей судьбы, что завязать свою
в единый узел так и не сумела —
вот бедное имущество мое:

Листва примет под метлами столетий,
любовь к тебе, да собственная тень,
размытая на столько очертаний
бесплотных, что себя не вижу я.

Должно быть, слепота есть в этой страсти.
Но в каждой страсти, в каждой слепоте —
привидение. Жизнь себе по датам
грядущего свидания с тобой

отмериваю... Но когда бы в этом
пожарище хоть призрак очага!
Нам не хватало всех знамений неба
на горстку черствой каторжной земли.

И было все как в плохеньком романе —
на пятачке сюжета и судьбы.
И стоит ли так горько сокрушаться
Что нас с тобой давно на свете нет?

За домом — почерневшим отголоском
восторженного века — тень твою
я разглядела, но она исчезла
у черных вод под каменным мостом.

Неба ковер еще голыми соткан
вербами. Но в нашем дворике старом
рук и передников белые стаи.
Как ты давно меня не удостаивал

взглядом своих распахнувшихся окон!
Первое детство — у неба в долгу.
Детство второе — листвою зеленой
машет и что-то кричит на бегу.

Третье — за все расплатилось с землею...
Выметен липами неба ковер —
нету ни облачка. В дворике старом
новые мамы хлопочут у ставен.
Здесь навсегда их за этим оставим —
слушать несбывшийся наш разговор.

Все повторится: материнской чинной
судьбы за мной вернется катерок —
тебя подарит мне чужой мужчина,
случайный, как апрельский ветерок.

Мы будем жить безбедно, без кручины
И поведет уставший от дорог
тебя во двор гулять чужой мужчина,
случайный, как апрельский ветерок.

Нас в зоопарк помчит его машина
и в лунопарк, но раз уж правит рок —
через порог шагнет чужой мужчина,
случайный, как апрельский ветерок.

Пока из слез мозаику мучений
я выложу — затверженный урок! —
Тебя уложит спать чужой мужчина,
случайный, как апрельский ветерок.

Когда же пену «Лотоса» с морщины
стряхну я, твой стирая свитерок,
ты будешь думать о чужом мужчине,
случайном, как апрельский ветерок...

Дни разбежались. Закружилось
В горячем беге.
Усталость медленно родилась
В пустой телеге.

Струились по небу лучами
Ничьи иконы.
Они совсем не замечали
Штрихи—законы.

Хватили ночь почти губами
Чужие лица.
Слова стонали под зубами:
«Не торопиться...»

Тяжелый воздух разгребая,
Слова слезились.
Под кровом ветхого сарая
Они молились.

Застыл туман, как чей-то крик,
В громаде неба
И где-то жалобно затих
Просящий хлеба...

ВЕРА

Скорость замедленных взглядов
Тонет, едва уловив,
Блеск опустевших нарядов
Призраком скомканных чтив.

Трель пустоты, как пространства.
Хворь заболелых ветров,
Саван немого убранства...
Мама! Я буду здоров.

Я буду следить за губами,
Забуду природную лень.
Себя одаряя дарами,
Войду в послезавтрашний день.

Войду. Лишь вздохну облегченно.
Привет, переродившийся брат!
Нам будет весьма отвлеченно
Блестеть небосводный фасад.

Блюститель душевных героев
Откроет прищуренный глаз
И вверит житейским изгоям
Пропахнувший солнцем лабаз.

Источком священных писаний,
Расправив морщины и грудь,
Не веря в надежность братаний,
Ему лишь шепну: «Не забудь...»

Дмитрий МЕРШАВКА.

АПОКАЛИПСИС

Анкета дней хранит молчанье.
Нет за спиной и полпути.
Прощальный звон. И —

И — бесконечность впереди.

Связали ночь большие спицы.
Хозяин их, наверно, прав,
Но почему-то плачут птицы
И с ними я, в траву упав.

Светлеют небеса и лица.
В них страха—ровно на глоток.
И вот горит моя столица.
А в ней — подаренный платок.

Някчемный слог. Пустые
звуки —
Чужим налетом под стекло.
В обнимку с дымом пляшут
руки.

Им горе пальцы обожгло.
Большое медленное тело
Распишет краской облака.
Оно пока не догорело.
Оно еще живет. Пока...

А на улице Вы опять
В лазурном своем берете.
Я стану глаза протирать,
Которые вез в карете.

Я догнал Вас одной волей,
Растеряв все слова к небу.
Но уволен своей долей...
Не спешу. Я сейчас еду.

Принцип боли всегда вечен.
Не даривший тебе скуку.
Между нами замрет вечер.
Он целует твою руку.

Он целует твои груди.
Он ласкает тебе пряди.
Он подставил свои губы
Для потехи, себе ради...

За время вынужденных слов
Мы были с ней среди несмелых,
Но прозвучал сигнальный зов
В небесном доме престарелых.

Разбит хрусталь. Зеркальный
звон

Струится мерно по пустыне.
И необузданность икон
На полувозгласе застынет.

Твердыня дальней синевы
На блюде тихого рассвета
Покроет призрак головы
Лучами брошенного света.

Их форма—круг. Их мысли—
бег,
На страх хулителям восхода,
И наступает новый век,
Век ходовых противхода.

И неизвестно, кто целей,
Уставший здесь? Уснувший там?
Быть может, тот, кто понаглей
В молитве плача к небесам?

Лишь унесенные ветра
Затихнут возле Возрождения.
За кров священного бедра
Они получают снисхождение.

Целитель ветренных разлук,
Истошных дум, больного дела
Мне снова дарит мой испуг...
Скажи, ты этого хотела?

ТЕМА...

Три сигареты подряд, нервный тик и пение бодрящего гимна, похожего на псалмы. Подобие улыбки и — вперед! Так началась шпионажная вылазка, с покушением на святую святых 342 ВСО.

Несколько кругов вокруг живописного завода. Зловещий прищур офицера, сплевывающего табак возле проходной, настроил «партизанку» на агрессивный лад.

Странный юноша восточного типа, вышедший из проходной, постоянно путался под ногами с навязчивым вопросом: «Есть время?» Меня явно принимали здесь не за ту.

Как попасть на территорию завода? Все окна закрашены белой краской, как в морге. Поверх забора приветливо улыбается колючая проволока. Но вопрос решился сам собой. Восточный парень участливо спросил: «Кого ищешь? Может позвать?» Понимая, что это — единственный шанс, я уцепилась за него очень крепко и оттолкнула в сторону:

— Я вижу, ты хороший парень! — неуверенно пошла я ва-банк. — Ты откуда?

— Да, — парень насторожился.

— Нравится здесь? — глупо спросила я.

Парень искренне засмеялся, чем полностью убедил меня в правильном выборе.

Мы разговорились, и я объяснила, что хотела бы узнать побольше об обратной стороне медали этого заведения. Это вызвало живой интерес и у его сослуживцев, вышедших из бани.

Когда же ребята рассказали о всех ужасах, творящихся в этой части, стало уже совсем не до смеха.

— Если мы будем перечислять имена всех, кто здесь погиб или получил травму, у тебя не хватит блокнота, — грустно объявил Нурлан (так звали нового знакомого).

Я ожидала услышать много неприятных историй, но так-то...

Этот завод, а именно 343 КЖИ (комбинат железобетонных изделий) не реконструировался с 50-х годов, оборудование старое и неисправное, техника безопасности отсутствует напрочь. Работают здесь только солдаты, поскольку гражданские отказываются идти на этот завод.

Ребята работают в три смены, по полторы — минимум, а нередко, плюс к этому, полсмены от выходного дня. И это на таком вредном предприятии. Тем, кто соприкасается со смазкой поддонов и форм, обеспечен рак. Люди гниют живо. Просеивают цемент на вибростоллах, и даже респираторы не спасают от загрязнения легких. Электричество не заземлено, в итоге — многие получают ожоги техническим напряжением. В помещениях цехов сильная запаренность, люди просто задыхаются.

...Вот только некоторые из многих пострадавших:

Снякулов (призыв — май 1989 г.) — погиб 25 декабря этого же года, задавило формой;

Агнев (май 1990 г.) — на контейнере отрезало четыре пальца правой кисти;

Недавно попало в госпиталь еще двое солдат: один получил страшные ожоги электричеством, другому сломало два ребра и задело сердце неисправной бетоноводной тележкой.

— Это невыносимо! — рассказывает Нурлан. — Как можно переносить такое: идешь по деку и видишь, как окровавленного друга тащат на себе в медчасть. И это не случайности, это уже практически норма. Вино вато само начальство, но все дела прикрываются. Разве солдат прав? И кому за него заступиться?

Все это происходит рядом с нами, в Москве, на таком тихом с виду заводе...

— Но не только от этого гибнут, — подхватывает разговор друг Нурлана Сергей, — недавно умер Рахманов. У него был аппендицит, он мучался и не раз обращался в медсанчасть, но его выгоняли наши врачи, обвиняя в симуляции. И что же — аппендицит разорвался...

— А в каких условиях мы живем! — продолжает Нурлан. — После работы и вымыться не дают. Ну, «деды» еще как-то умудряются вырвать минутку, а «духов», в прямом смысле, держат в черном теле. Вы бы в раздевалки наши, в казармы зашли. Грязь, вонь, как в хлеве.

— И что же? Ка вы выдерживаете всю эту жизнь? Боретесь как-нибудь? — недоумевала я.

Ребята тяжело усмехнулись: — А как бороться? Кто сильнее — берут, а другие — режут вены. Но уголовные дела не открываются, это портит отчетность. Был один солдат из нашего призыва, Шутенко Александр — шесть раз разал вены, бежал. Теперь его отправили в «Кашенко». А ведь он нормальный, даже очень отличный парень. Очень многие из нас идут в «Кашенко».

Конечно, ни за какие деньги не согласился бы люди работать здесь. Но дело в том, что и денег-то не так много платят.

— Да, вся эта канцелярия, все начальство наши деньги прикарманивает. Такие дела вершат!

Ребята с жаром рассказывали мне свои беды, но фамилий своих не называли: «Нам еще служить!» Чего они боятся? Неужели может быть еще хуже? Трудно представить...

Теперь уже совершенно другими глазами посмотрела я на этих солдат. Такие жуткие вещи рассказывают, но лица спокойные, холодные, непроницаемые. Ни за что не поверю, что они равнодушны. Но до какого предела можно дойти, если каждый день работать под страхом смерти, если сегодня видишь улыбающегося лица своего друга, а завтра — это лицо разбито, и уже никогда не откроются знакомые глаза. Если знать, что на его месте мог быть и ты... Чем же это лучше того же Афганистана?

Конечно, таких заводов на нашей любимой великой советской родине тысячи, и кто поможет этим молодым ребятам, вашим братьям, сыновьям, любимым?

Разговор на сегодня окончен, ребята обещают в следующий раз рассказать и о других случаях, а пока им надо спешить в часть.

Я осталась одна с исписанным блокнотом у бетонного забора с колючей проволокой. Мимо проходят люди, смеются или переживают свои проблемы, считая себя самыми несчастными в мире. Но как они счастливы, даже и не подозревают, ведь они не были за этими стенами.

Наталья СТАРЫХ.

Когда я первый раз увидел этот материал, то особых эмоций он у меня не вызвал. Тема изъезжена, профессиональное исполнение слабое, в общем, ничего особенного. Но позже, когда я вник в суть дела, я понял, что не все так просто.

И вот передо мной сидит простой молодой человек с нормальными чертами лица, очень умными внимательными глазами и рассказывает о своей службе... Так родился материал «Дезертир». Интервью-размышление о Альберто Козловым вы можете прочитать в следующем номере газеты «НАШ МИР».

Д. ПОСПЕЛОВ.

Здравствуй, дорогой зять!

Пишу тебе на почте Сергиевского посада. Крепко строили монахи. Кстати. Народные депутаты города отказались вернуть ему прежнее название. Мол, Лубочский здесь родился. А родился-то он в Нижнем. Невежество поразительное. Гомункулусы борются за что непонятно, хотя и так ясно, что они произошли от обезьяны. В город я попал из-за повестки следователя. На ферме подрались два скотника, и один другого ножом, скотничком, профессиональным, рабочим, убил. Допрашивали как свидетеля. Теперь, ожидая автобуса в деревню, хожу по городу. Хлеб есть, молоко, как обычно, по длинной очереди, крупа всякая по талонам. А к нам в Закубье бывает, привозят даже масло. Вот перестали Москву снабжать особо и здесь кое-что появилось. Одежда — за сельхозпродукцию. Книжки бывают интересные. Можно сдать в магазин мясо, но деньги не очень большие.

Дома особых новостей нет. Куры несутся плохо. Крольчихи дали много приплоду — надо строить еще клетки. А то приезжай. Забьем кроликов — увезешь в Москву. С мясом-то у вас не богато. Купили поросят маленького за 200 рублей. Это против прежних 30—50—70 рублей. К референдуму в Самовиново привезли 6 ящиков пива. Распределили: 4 — тем, кто за Союз, остальное — тем, кто против. Большинство голосовало против. Устали мужики. Не верят ничему. Прошлый год взяли в аренду поле. Сняли корма. Урожай хороший. Считали деньги загодя. Более 10 тысяч насчитали. А при расчете вычеты пошли: за поле, за трактор, за бензин, за дождь, за снег, за, за, за... и получайте. Две с половиной тысячи. Говорят, дирекция союза себя вписала в эту бригаду, как руководителя производства.

А вот тебе, Апатий, еще новость аренда. Василий Иванович построил свой телятник, заключил договор с совхозом на откорм бычков. Взял 100 голов. 50 — совхозу, 50 — себе, по договору. Хотя он Василий Иванович, но приехал из Латвии. Телятник — кирпичный. Бычки чистые. Навоз гребе не лопатой — чуть ли не Архимедов винт выносит нечистоты. А у нас в Закубье прошлой весной сдох бычок. Три дня лежал у дверей в грязи, пока не убрали. И корма у латыша чистые, без БВК. И лекарства где-то достает. Самосвал МАЗ. Машина «Тойота».

правда, не на ходу. Ремонтирует. И ВОСЕМЬ лошадей. Я уж и забыл как выглядят лошади. Приезжал к нему западный немец. Присматривался к мясу. Хотел открыть ресторан на колесах. Вот тебе рынок, вот тебе союз народов, вот тебе ответ твоему начальнику, который считает, что страну

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

спасут только военные своим твердопорядочным переворотом. Хозяин. Такой хозяин спасет страну. Хозяин наладит дисциплину. Не ружьем, а интересом. Три женщины-телятницы работают у латыша. Он их эксплуатирует за 500 рублей в месяц, требуя от них всего лишь уважения к бычкам, как к себе самим. Они не перерабатывают и не ломаются. Работают без надрыва. А вот за свои деньги им в нашем магазине ничего не продают. Отказ почти полный. Работают у частного. Они ходили жаловаться в сельсовет. Ну, что это по-твоему? Зависть, злоба, тайное распоряжение? Никто не знает о последнем. А о двух первых, то это, по моему, первобытный коммунизм. Вот тебе желание примитивной справедливости — поделить так, чтобы никто не стал богаче другого. И отсюда: самое стабильное общество, полная материальная и психическая общность. И существование на пределе возможного. И нарушение такой стабильности — это катастрофа всей «цивилизованной» первобытной общины, что мы и видим сейчас. Кто-то вместо «мы» посмел сказать «Я». Неужели не понимают, что полное равенство значит отказ от себя самого как от ЛИЧНОСТИ? И могут ли такие отказники называться людьми? Понимают ли они, что никогда не будут принадлежать себе? Они же ничего не значат в глазах общества. Ни приход их в этот мир, ни уход никто не заметит — они ничего не СОТВОРИЛИ. У них нет нужды не только в творчестве, но, наверное, и в труде вообще. Это у нас называется коллективизм. Я и сам в этом стаде. Ну, кончаю. Добежать еще до автобуса. Прощай, Апатий! Поцелуй мою внучку. Ждем в мае копать огород. Твой тесть П. А.

Принес в редакцию Апатий СОННЫЙ.

Е. ШУВАЛОВА.

НЕ СОВСЕМ МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

Сегодня практически никто не испытывает недостатка в информации. Массу печатных изданий предлагают в киосках и в подземных переходах: от бизнес-буллетеней до рекомендаций сексологов. Цены — тоже самые разнообразные. Но «Московский журнал», больше известный своим английским названием «Москью мэгэзин», продается далеко не везде. После Нового года продажа журнала в розницу была ограничена, зато появилась возможность выписывать его за рубли. «Москью мэгэзин» рассчитан в основном на иностранных читателей, желающих ближе познакомиться с нашей столицей, интересно провести время, узнать последние московские новости из «первых рук». В журнале много рекламы, есть подробная карта города и схема метро. Наш, советский человек может найти полезную информацию о том, как лучше вести свои дела, узнать о жизни известных соотечественников и... еще раз убедиться, как несопоставим наш уровень жизни с западным.

Было бы несправедливо не упомянуть и еще об одной стороне журнала — полиграфической. Качественная бумага, высокопрофессиональное фотоформление, прекрасный дизайн — соответствуют мировым стандартам. Это, впрочем, неудивительно, так как журнал отпечатан в Нидерландах. И цена вполне приемлемая в нынешних условиях — семь рублей. Желающим заплатить за «Москью мэгэзин» твердой валютой, для этого потребуется пять долларов. Вам выбирать!

М. ТРОФИМОВ.

«ОДНАЖДЫ...»

Однажды волосатый воючей ночью конопатый утюг, громко взвизгнув, близко поспал проплывающего прямо обиженного молотка. Молоток не очень занимался, зато мало болел, и его страх совсем не гармонировал с сияющим ореолом пьяной луны...

Луна хотела спать. Она то с разбега садилась в дырявое кресло одиноких туч, то вдруг начинала дрожать, словно эпилептик перед болезненным ударом. Утюг луны не видел. Да и как ее могло увидеть такое хамло, как этот одиорукый, со своим вечно плоскими, хоть и горячими шутками...

Вы сами туда... идите, — закричал задетый молоток. Ему всегда доставалось. То им колотили сверхъестественные ореи, то пробовали, что крепче его: голова или непробиваемая стена. Чуткой была душа молотка. Правда, с детства не любила гвозди. У каждого свои недостатки...

Молоток поплыл дальше, утешая себя тем, что мир не так уж плох. А одиорукое хамло, сладко дремля, ждало нового явления. Его длинный резиновый шнур уходил за горизонт, а магическая цифра «220» заставляла ощущать самого себя. Вдруг, словно лопнувший шарик, самовлюбленный стал грустнее, корчась в собственном бессилии. Его... включили...

— Эй ты, утюг! Иди знаешь куда?!... — вдруг услышал остывающий. Он в последний раз моргнул маленьким глазенком, увидел догоняющего молоток гвоздь и... сдох...

Гвоздь хотел, чтобы его забыли...

Д. МЕРШАВКА.

«ПОКУПКА»

Его купили в аптеке...

Тонкое прозрачное тело являло собой само совершенство. Хоть он и был обработан силиконом и проверен электроиником, но на прилавках не заживался. Оказавшись в объятиях теплых неуклюжих детских ручонки и зная нравы современных детей, он не подумал ничего плохого. Но ничего оказалось совсем другим. И даже совсем нехорошим.

Детские руки схватили мягкое резиновое тельце и понесли в ванную. Старый смеситель заурчал, свистнул что-то невнятное и плюнул первую порцию поджарившей воды. Словно немного задумавшись, он подождет и весело защебетал, извергая содержимое труб. Обработанный и проверенный стал раздуваться.

Он кряхтел, расширялся и никак не мог в себя прийти, совсем не понимая, зачем все это?

Раздутый до невероятных размеров и бережно вынесенный на балкон, он стал немного успокаиваться. Увы, стать прежним ему уже никогда не было суждено. Судорожно сжатые пальчики разжались. Пошел обратный отсчет этажей... А-А-А... Бум!!!

Сморщенный и позабытый, валяясь в огромной луже, он грустно произнес: «Да! Я всегда не любил детей!»

Л. ФРОЛОВ,
Д. МЕРШАВКА.Неформальные законы
научного бытия
(с доски объявлений Массачусеттского технологического института)

Следствие Коз к закону Мэрфи: дважды ошибается только начинающий.

Закон месторасположения Оливера: все равно куда вы ушли, вы там, а не здесь.

Закон Вейлера: нет ничего невозможного для человека, который никогда не делал этого самостоятельно.

Второй закон Джарука: если дешевле купить новое оборудование, то кампания будет обязательно настаивать на ремонте старого.

Следствие из закона Джарука: если будет дешевле отремонтировать старое оборудование, кампания будет обязательно настаивать на приобретении новейшей аппаратуры.

Закон Поля: вы не можете упасть ниже пола.

Универсальное уравнение, относящееся к лошадям (и не только): в любой данный момент общее число лошадей в мире больше числа их владельцев.

Закон Фелсора: если стащить идеи у одного человека — это плагиат, если же понемногу у многих — это научное исследование.

Закон усложнения Митчела: любая простая проблема может стать неразрешимой, если собирается несколько человек, чтобы ее обсудить.

Закон неправильной оценки Гроссмана: любая сложная проблема всегда имеет простые, доступные, легко понимаемые, но неправильные ответы.

Закон противостояния Сина: мы не должны ждать милостей от природы, и именно поэтому люди ей отвратительны.

Закон технологии Лермана: любая проблема может быть преодолена при наличии времени и денег.

Следствие: вы никогда не будете иметь достаточно денег и времени.

Руководящий принцип Мэрфи в современной науке: если эта наука воюющая — это химия, если липкая — это биохимия, если не работает — это биофизика.

Закон инерции Квалитири: там, где есть воля, там нет желаний.

Вариант закона Мэрфи: для простой ошибки нужен человек, для серьезной требуется компьютер.

Перевод и аранжировка:
АН. НОУН.

После свадьбы студент Вася Колпинский в целях экономии средств отправляется в свадебное путешествие один, без жены.

Что бы ученые ни придумали, отвечать приходится студенту. Декан решил все проблемы методом исключения.

Преподаватель: — Куприянова, вы опять не подготовились к семинару? Как это понимать?

— А вот такая я загадочная!

— За подсказки я снижаю оценку на балл!

— Ничего, лучше получить четверку, чем двойку. Сидоров, подсказывай!

— Ты знаешь, что тебя уже отчислили?

— Да? Вот невезуха, а я хотел еще и сегодня прогулять!

Студент обращается к преподавателю:

— Вы согласны, что экзамен — это лотерея?

— В какой-то степени... Да.

— Тогда, может быть, мне тянуть не билет, а сразу оценку?

Преподаватель спрашивает студента:

— Почему вы спите на лекции?

— Жалко терять время ночью, — отвечает студент.

Преподаватель — студенту:

— Вы должны сдать мне английский язык, а сдаете, насколько я понимаю, испанский.

— Простите, профессор, ну ужто я сегодня ночью перепутал учебник?

**ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ГАЗЕТЫ ОБРАЩАТЬСЯ
ПО ТЕЛЕФОНУ: 258-88-57**

МФО 201218, 160951.
Сокольнический филиал
Московского индустриального банка (СССР)
Научно-производственное предприятие «ЭКО-СПЕКТР».

**ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ
РЕКЛАМЫ ОБРАЩАТЬСЯ
ПО ТЕЛЕФОНУ: 258-88-57**

Редактор газеты „Наш Мир“ — Д. В. Поспелов
Редактор газеты „Менделеевец“ — Е. В. Юртов